Публикации наших коллег

ВЕЧЕР С ВЛАДИМИРОМ ПОЗНЕРОМ И ЕГО ЖЕНОЙ ЕКАТЕРИНОЙ

В этой новой рубрике мы будем предоставлять слово коллегам-журналистам из других изданий. Сегодня наш гость — российская женская газета «Натали» (Санкт-Петербург).

Обычно долгие разговоры они ведут на кухне, но нас провели в гостиную. И начался «вечер с Владимиром Познером» — именно так называется популярнейшая московская передача, которую мы, ленинградцы, к сожалению, не имеем возможности видеть. Только разговор на этот раз шел о том, о чем известный телекомментатор обычно молчит.

Рядом с Познером сидела его жена, Екатерина Михайловна.

Е. М.: Мы с Володей коллеги. Когда-то, много лет назад, я пришла в издательство АПН. Пятая журналистка было поручено создать первый советский дайджест — журнал «Спутник». Володя тоже работал в АПН, но сидел по другому адресу.

В первый же день мне поведали, что есть в агентстве какой-то необыкновенный красавец. Почти все женщины были в него влюблены. Скоро я знала о нем все какие глаза, какая улыбка, какой рост.

Наконец я сказала себе: «Все, еду смотреть». И, знаете, мне он не понравился. Я всегда предвзято относилась к красивым мужчинам. А год спустя его назначили ответственным секретарем к нам в «Спутник». В это время у меня развивалась семейная драма и у Владимира Владимировича тоже. Два грустных человека, представленных друг другу на одной из служебных летучек...

Прошел еще год. Однажды ответственный секретарь вызвал меня к себе: «Почему вы со мной не здороваетесь?» А я так была погружена в свои семейные сложности, что попросту не замечала его.

Однажды, как будто между прочим, Владимир Владимирович поинтересовался, что я делаю в Новый год. Я ответила: ничего. Он предложил съездить в Таллинн. Какая это была замечательная ночь в заснеженном городе! Мы купили елку, украсили игрушками и зажгли свечи. Накупили разных вкусностей. Мы все еще дружили, никаких других отношений. И не заметили, как дружба переросла в совершенно иное чувство. Мы поженились.

Потом в «Спутнике» (по тем временам замечательном журнале) произошла ужасная «политическая» история. Главный редактор был изгнан с белым билетом. Володю спасло только то, что его за полгода до этого пригласили на радио.

Я ушла в журнал «Советский Союз». И двадцать лет отработала там. В «Спутнике» у меня не было необходимости путешествовать — мы просто переписывали чужие статьи. И вот буквально, как человек в пустыне, дорвавшийся до воды, я начала колесить по стране и писала, писала... Лезла в самые отчаянные командировки: Кара-Кумы, Северный полюс, Курилы. Приезжала набитая впечатлениями. Первыми слушателями были муж и сын. Наверное, поэтому к десятому классу Петя заявил, что идет в журналистику. Мы были против, считали, что это ему не подходит. Но ошиблись. Теперь он не плохо работает на телевидении.

Через несколько лет мне предложили заведовать отделом культуры. Сейчас, перечитывая некоторые свои материалы, вижу — в общем не врала.

С началом перестройки в журнале ничего не изменилось. И в какой-то момент я поняла, что уже ничего не хочу. За полтора года до пенсии ушла, хлопнув дверью, поразив своих коллег, почитавших это детским поступком. Счастье, что к этому времени мы с Володей чувствовали себя достаточно материально окрепшими...

В. В.: Небезызвестный доктор Святослав Николаевич Федоров сказал так: подлинная независимость гарантируется только экономической самостоятельностью. К 57 годам мы с Катей сумели обеспечить себе такое положение. Это помогло и мне принять решение об уходе из штата телевидения. Когда ЦТ стало президентским, нам прямо так и было сказано, что ни президента, ни его политику трогать, нельзя. Это логично, потому что ни в одной фирме мира нельзя критиковать ее хозяина. Но для меня такие условия невозможны.

Была и еще одна причина, смешная даже. Вернулся из Соединенных Штатов и узнал: мое выступление за границей передавалось по какому-то из голосов. Расшифровка легла на стол председателю нашей телекомпании. Он остался очень недоволен тем, что я сказал. И заявил своему заму: надо подумать, может ли Познер у нас работать. И я подумал. А Катя и Петр мое решение полностью поддержали.

Всякое состоялось, полуторачасовая беседа с Кравченко совершенно другого свойства. Уговаривал остаться, сулил высшие роли. Но я объяснил: решение не изменю, хотя готов сотрудничать как независимый журналист. Теперь делаю передачи от случая к случаю. И перевожу с английского свою автобиографию, которая в США стала бестселлером.

Е. М.: А я свободный журналист, который ничего не пишет. Я как бы на распутье: с одной стороны, знаменитый муж и сын (он не женат) нуждаются в уходе. Прежде, когда я уезжала в командировки, мои мужчины стирали, готовили, ходили в магазины, убирали квартиру. Возвращалась — сыты и иногда ни одного упрека. А теперь решила их побаловать, а заодно и разобраться во всех углах, разложить все по порядку, разложить книжки, которые собирала... Но вдруг поняла — амплуа подруги жизни не для меня. Женщины, отравленные работой, которую любили, меня поймут. **В. В.:** Я вас уверяю: для 99 процентов всех женщин в мире домашний труд — подневольный, каторга в большей или меньшей степени. Вообще человек, который занимается делом, уходя от него, самообманывается, думая, что теперь будет отдыхать. Отдых на самом деле и есть труд. Из него черпаешь ресурсы, какой-то заряд. Посидеть с книжкой на диване, конечно, славно, но когда вдруг оказывается, что это и есть твое главное занятие...

Я не сомневался, что Кате надо уходить из журнала «Советский Союз». Вместе с этого дня даже бросил курить. Но в журналистику она обязательно вернется.

Е. М.: Сейчас, когда мы были в Америке, мне недовольство сказать, что я не работаю. Там все наоборот: женщины стараются как можно скорей родить, воспитать детей и начать карьеру. Быть неработающей домашней хозяйкой неприлично.

В. В.: Я хотел бы внести некоторые коррективы. Пятьдесят процентов американок живут на пособие, что им нужны средства. Правда, осталные, чьи мужья обеспечивают семью, как правило, занимаются общественной деятельностью.

Начиная с 1987 года я езжу в Штаты — три-четыре раза в году. А Катя первый раз поехала туда, когда я был еще «невыездной».

Е. М.: И должна была смотреть во все глаза, чтобы, приехав, рассказать, как выглядит его Америка (ведь Володя с родителями долго жил в США), что изменилось за годы, пока он там не был.

В. В.: Но с тех пор, как у нас появилась возможность ездить вдвоем, мы ею пользуемся. Даже когда приглашают одного меня, я беру с собой Катю (естественно, за нее плачу). Путешествуем по разным странам. Представляете: приехали во Францию, пожили в Париже, взяли на прокат машину и через Альпы в Италию. Даже как-то неловко об этом говорить: ведь мы имеем исключительную возможность.

Е. М.: Но отдых, который мне снился много лет,— боком по траве и чтобы лес, река, поющие птицы... Вот и сидим теперь в деревне. Володя долго бывать там не любил — привык к удобствам. Он вообще европейский человек. Каждое утро делает зарядку, бегает. Я же, невзирая на склонность к лени, с большим трудом преодолеваю российскую лень.

В. В.: У меня работа такая, что заставляет находиться в форме. Нехорошо, когда человек выходит на экран и физиономией в него не вмещается. На внешний вид своих однолеток часто смотрю с ужасом. В конце концов телеведущий — это образ для подражания, что в Америке давно поняли. Все там с ума сходят, даже чересчур: как выглядят на экране. Раньше такое тоже сплошь и рядом существовало, теперь, на телевидении.

Раньше я в теннис много играл, но теперь редко удается. Правда, у меня есть своя бейсбольная команда «Московские чайники». Кстати, что? Начал играть, в пятьдесят лет — значит «чайник». Были с командой недавно в Сан-Франциско, играли с такими же «чайниками». Проиграли, но достойно. Ребята были довольны. Они вообще никуда за пределы страны не выезжали. Тренируемся мы два раза в неделю.

Е. М.: Кстати, моя хозяйская жизнь здорово облегчается тем, что Володя следит за собой и ест мало. Пирогов, блинов в рот с тестом не берет. Хотя сам прекрасно готовит все что угодно. Особенно — мясо.

А любимое его блюдо — пельмени. Съесть может сколько угодно. Мы иногда с подругами целый день их лепим.

В. В.: Особенно хорошо зимой, с водочкой... Мы вообще любим застолья. Есть очень узкий круг близких друзей, с которыми постоянно видимся. А в Америке — это Фил Донахью с женой. Она говорить заставляет Катю говорить только по-английски. Как-то мы сидели в ресторане, и она задала сложный вопрос, подразумевающий не менее сложный ответ. Мне было интересно, как Катя выпутается. Она дернула меня за рукав: мол, помогай. Но жена Донахью даже слушать не захотела. И Катя ответила сама...

Е. М.: Между прочим, язык преподает мне не Владимир Владимирович, для кого он второй родной, а подруга из МГУ, которая слово сказать по-английски при моем муже стеснется. Поздно я начала языком заниматься, все не было времени. А вот дочка говорит хорошо: и сын, и дочь на двух языках. Катя сейчас в Берлине с мужем и дочкой, работает по контракту. Она пишет диссертацию.

В. В.: Надо, чтобы в жизни человеку повезло. Со мной несколько раз это случалось— просто сказка! А одно из самых для меня тяжелых испытаний — отец и мать не узнали, что я стал более или менее известным журналистом и поехал наконец туда, где родился и жил в юности.

Валентина ВАСЕЙКО,
Лариса ДАНИЛОВА.

Программа Центрального телевидения

Понедельник, 30 сентября

Первая программа. 6.30 — «Утро». 9.05 — «Дело Сухово-Кобылина». Фильм 1-й. «Оставаться в подозрении». 11.25 — Много голосов — один мир. 12.00 — Футбольное обозрение. 12.00 — 15.00 — ТСН. 12.10 — Торговый ряд. 12.25 — Концерт В. Березовского. 13.05 — «Образ». 14.05 — Мультфильм. 14.15 — Манера. 15.15 — «Продолжение». Худ. фильм. 1-я серия. 16.20 — «Сторона родная». Концерт. 16.35 — А. С. Пушкин читает В. Бабочкин. 17.10 — Мультфильм. 17.25 — Детский час (с уроком немецкого языка). 18.25 — «Вспомнить». Фильм-обвинение. Худ. фильм. 1-я серия. 19